

Navigare humanum est...

Pusztay János hatvanadik születésnapjára

Finnugor Népek Világkongresszusa
Magyar Nemzeti Szervezete
Budapest, 2008

Navigare humanum est...

Pusztay János hatvanadik születésnapjára

Szerkesztő:	Pomozi Péter
Társszerkesztők:	Csepregi Márta Salánki Zsuzsa
Munkatársak:	Tatjana Jefremova Horváth Laura Karácsony Fanni
Layout:	Pomozi Péter

Megjelent a Finnugor Népek Világkongresszusa
Magyar Nemzeti Szervezete támogatásával

Felelős kiadó: Rubovszky Éva,
a Magyar Nemzeti Szervezet elnöke

*A címlapon Kolumbusz Kristóf három karavellje,
a Pinta, a Santa Maria és a Nina*

© Pomozi Péter és az egyes cikkek esetében az adott
szerzők

ISBN 978-963-06-5434-0

Nyomdai munkák: Balogh és Társa Kft.

Современная удмуртская женская проза: герои и конфликты

Любовь Фёдорова
Ижевск

Современная удмуртская женская проза представлена несколькими направлениями: мемуарно-автобиографической прозой (А.Конюхова, Г.Романова, С.Пушина-Благинина), прозой для детей (Л.Малых, Р.Николаева, Г.Романова, Е.Глебова, Р.Игнатьева) и прозой для взрослых (Л.Нянькина, Р.Игнатьева, Г.Романова). Следует заметить, что женская проза – явление позднее в удмуртской литературе, до конца 1990-ых годов женщины были признаны в лирике, творили также в области мемуарно-автобиографического жанра, а проза оставалась уделом мужского творчества.

В поле зрения данной статьи творчество двух писательниц – Лидии Нянькиной и Риммы Игнатьевой (Лаптевой), представляющих разные повествовательные стратегии и выражающих противоположный (разный) взгляд на категорию мужественности/женственности в современном обществе. В рассказах и повестях Л. Нянькиной, на мой взгляд, женская суть выражена женским нутром и чутьем, проза Р.Игнатьевой несет в себе маскулинный взгляд на мир за исключением нескольких рассказов.

Лидия Нянькина дебютировала как прозаик сборником рассказов и повестей «Ваёбыж кар» («Ласточкино гнездо») в 1996 году. Критики отметили необычность тем, сюжетов, героев ее произведений, переплетение в рассказах реалистических и фантастических мотивов, мира реального и ирреального. В настоящее время ее увлечение – поэзия.

Римма Игнатьева вошла в прозу в начале 90-х годов как детская писательница, последние десять лет пишет прозу для взрослых и активно печатается в удмуртских журналах. Ею опубликованы рассказы и повести «Беромем яратон» («Запоздавшая любовь, 2000), «Сьёлыкоос» («Грешницы», 2000) «Муржолын» («В подполье», 2000), «Бубыли» («Бабочка», 2001), «Сьёлыклэн емышез» («Плоды греха», 2001), «Чилекъян – ворекъя» («Гремит – сверкает», 2002), «Ӧпкелен» («Раскаяние», 2004), «Кион котьку сюэтэм» («Волк вечно голоден», 2005). С 2004 года в журнале «Кенеш» печатается роман «Игнаш сайкемын» – первый женский роман в удмуртской литературе, который пока незавершён. Повесть «Бубыли» переведена на русский язык под названием «Бабочки». Литературное творчество Риммы Игнатьевой пока не получило должной оценки в удмуртской литературной критике.

В центр бытийного и бытового производства писательницы помещают чаще всего женщину. Судьба женщины и женственности в литературной презентации двух исследуемых женских прозаиков носит ярко выраженный плюралистический характер

и представляет множество социальных ролей: традиционная хранительница домашнего очага, мать – одиночка, бомж, проститутка, мать-пьяница. «Женские автобиографии» и женские исповеди становятся доминирующей в прозе Л.Нянькиной, её проза более субъективирована. В большинстве рассказов и повестей Р.Игнатьевой повествование ведется в третьем лице, событийность выходит на первое место, внутренние монологи, несобственно-прямая речь не занимают значимого места в раскрытии мужских и женских характеров героев.

«Образ себя», современной женщины, они создают и многогранно воспроизводят не через «идеал себя», а через «отрицание себя». Лейтмотив самоотрицания обусловлен скорее двумя факторами:

– тотальным неприятием ими образа женщины, взятом в традиционных интерпретационных конструктах (терпимость, скромность, беспрекословное подчинение);

– попыткой осмысления современной действительности, модели поведения человека постсоветской действительности, социально-экономической дискриминации женщин, смены гендерных ролей.

Выступая как говорящий субъект творчества и осознанно опираясь на гендерный опыт, женщины-писательницы Лидия Нянькина и Римма Игнатьева, с одной стороны, нарушает социологизированный образ женщины, с другой – воспроизводят окружающий мир, оперируя своим собственным видением его, становясь объектом его конструирования и мифологизации.

Литературные произведения Р. Игнатьевой представляют устойчивый набор тем, мотивов, сюжетов и героев. В центре повествования чаще всего «падшая» женщина: «Събълкълэн емышез» – мать-пьяница, «Бубыли» – молодая женщина-проститутка, «Муржолын» – бомж, «Събълкълос» – матери – убийцы, «Опкелен», «Събълкълэн емышез», «Берпуметй яратон» – женщина-жертва. В каждом рассказе и повести пульсирует одна, похожая на морщинку по середине лба, центральная мысль – человек есть жертва обстоятельств, он не сопротивляется им, плывет по течению, мечтая о красивой, беззаботной, богатой жизни («Бубыли» – Лиля, «Опкелен» – Рево Мальпшев, «Мон» – «Муржолын» и др.). Финал сюжета большинства произведений – смерть или самоубийство главных героев. Довольно мрачная картина жизни изображена в рассказах и повестях Р.Игнатьевой в противовес произведениям советского периода. Женственность в литературной практике Р.Игнатьевой, как и в прочем в творчестве многих русских писательниц – женщин постсоветского периода, представлена как телесное, желаемое, вожденное, как товар. В рассказах и повестях Р.Игнатьевой, к сожалению, пока нет рефлексирющей героини, которая понимает, что ее судьба в ее собственных руках. По справедливому замечанию исследователя русской женской прозы Т. Мелешко, проза современных писательниц «представляет женщину как жертву в советских/постсоветских условиях, обрекающих женщин на безысходное выживание». В рассказе Р.Игнатьевой «Опкелен» также выведен тип многострадальной женщины – матери Ольги Ивановны. События и образ героини даны через призму восприятия мужа – Рево Васильевича. Нарисована довольно типичная ситуация российской и удмуртской действительности, когда вся тяжесть семейных, хозяйственных дел ложится на плечи беззащитной, терпеливой женщины-матери, женщины-груженицы, которая к тому же прощает мужу-ловеласу. Высвечивание определенных драматических ситуаций, в данном рассказе смерти Ольги Ивановны, дает возможность переоценить привычный уклад жизни, осознать роль женщины, ценность привычной «жены – приложения». Смерть Ольги Ивановны – это, прежде

всего, драма для мужа-гулены, утрата им надежного угла, теплого дома, куда он мог нагло вернуться после долгих любовных походов. После похорон жены он осознал бессмысленность своего существования, дети его не признают за отца, односельчане довольно прохладны, временные, ни к чему не обязывающие, отношения с любовницами потеряли смысл. Финал жизни Рево Васильевича – самоубийство **наших** **жен**.

Антиподом Ольги Ивановны является образ Нюры из повести «Сълькылэн емьшпез», бывшей красавицы, матери троих детей, бросившей детей на бабушку и мужа, ведущей разгульный образ жизни. Главный герой повести Слава, старший сын Нюры, с детства осознал свою ненужность матери, воспитывался у бабушки. Автора волнует проблема – судьба детей в неблагополучных семьях, и вопрос: сможет ли мужчина справиться своей ролью спасителя?

Модель поведения сына-подкидыша Славы, подающего в детстве большие надежды, наверное, типична с точки зрения социальной психологии. Не получая поддержки матери, даже при хороших отношениях с бабушкой и отчимом, юноша не мог определиться, самоутвердиться в жизни. Начались конфликты с пьющей матерью, вверх взяла жалость над малолетним братом и сестрой, у которых мать отбирала последние деньги. Слава в порыве негодования убивает мать и втайне хоронит ее в саду. Убийство матери разлагает его изнутри, чувство вины не дает ему покоя. Отчима обвинили в убийстве жены, он находится под следствием, Слава остался на свободе. Одинокая женщина Мани, которая верила и готова была служить Славе, приютила его. Был шанс изменить жизнь. Но безнаказанность героя, его нравственная ущербность толкают его на другие действия. Чтобы заглушить боль и страх, он связывается с наркотиками. Автор показывает череду событий жизни героя: он начинает перепродавать вещи Мани, его «друзья» за долги крадут приемную дочь, требуя за это выкуп. Слава уговаривает жену продать квартиру, чтобы рассчитаться с долгами, и переехать жить в деревню. Наркаторговец Назиф не хочет терять своего клиента в лице Славы и настраивает на дележ денег от продажи квартиры. Почувствовав несогласие со стороны Мани, Слава ударяет ее ножом. Драматичен финал: герои повести подчиняются обстоятельствам, никто из них не в силах спасти себя и близкого.

Рассказ «Муржолын» и повесть «Бубыли» строятся как постепенное развенчание героинь. Героини – молодые женщины, мечтающие о сладкой, легкой и богатой жизни. Они проявляют активность в поиске своих партнеров, не занимают позиции «страдающих, вдыхающих» молодых дам. В этих произведениях нет мотива женского любовного соперничества, женственность выступает как телесное, как товар. В рассказе «Муржолын» повествование ведётся от имени бомжа-наркоманки, будущей матери. Повествование открывается с самооценки героини, с осознание ею того, что она – падшая, никому ненужная, больная женщина, но в ее утробе бьется жизнь. И что дальше? Медленная смерть? Героиня по профессии переводчица с французского, работала в школе учительницей, но детей никогда не любила. Будучи педагогом, она соблюдала социальную регламентацию. Вскоре правила поведения школьного учителя, предписанные общественным мнением, ей надоели, она мечтала о другой жизни. Вот встретила долгожданного Макса, с ее точки зрения преуспевающего бизнесмена, и закрутилась жизнь веселая, счастливая и беззаботная. Но Макс оказался не тем человеком. Сюжет знакомый и старый как мир. Но время вносит свои коррективы. В произведениях советского периода жизнь героини развивается по известному сценарию: женщина вопреки всем обстоятельствам побеждает все трудности, добивается успеха. В постсоветское время модель поведения героинь может быть

разной, диаметрально противоположной, яркий пример судьба героинь фильма «Две судьбы».

Банален и сюжетный поворот в анализируемом рассказе: Макс за долги оказался на скамье подсудимых, героиня – без работы на улице. Далее случайные мужчины, подвальная и разгульная жизнь. Рассказ удивляет откровениями героини, она повествует о своей драме не жалея о случившемся, но понимая, что могло бы быть иначе. Автор удачно использует прием кольцевого обрамления, в начале и финале рассказа героиня ощущает, как ее душа покидает тело («Та вие шокасько на, нош лулы мугорылзэ кемалась аналтйськиз» / «Пока я дышу, но моя душа давно покинула моё тело»), как в ее умирающем теле бьется другая жизнь. Ребенок в отличие от матери сопротивляется смерти. Исповедь-бормотание умирающей женщины-матери, история ее жизни, драматичная судьба вызывают противоречивые чувства, возникает вопрос: кто виноват? И ответ, наверное, будет однозначен: судьба человека в ее руках, нужны в жизни другие целевые установки, сила воли и характер для их исполнения. Но героини Р. Игнатьевой живут по обстоятельствам, а не вопреки им.

Создавая в произведениях оппозицию красавиц/ некрасавиц, Р.Игнатьева пытается оспорить сложившиеся гендерные стереотипы о женственности. Авторская позиция писательницы сводится к тому, что красота не всегда есть благо для женщины. Женственность – это не столько внешняя красота, а, прежде всего, духовное богатство, душевная отзывчивость, трудолюбие и порядочность. Героини – красавицы произведений Р.Игнатьевой с юности избалованы вниманием (например, красавица Нюрка из повести «Сьбьлыкэн емьшез», Лиля из повести «Бубыли», бомж из рассказа «Муржолын»), они начинают верить в свое всемогущество и итог их жизни – собственная драма и драма их семьи. Женщина внешне непривлекательная в произведениях Р.Игнатьевой испытывает дискомфорт (Мани из повести «Сьбьлыкэн емьшез»). Установка на то, что единственное оружие женщины привлекательность и красота, доводит героиню из повести «Сьбьлыкэн емьшез» до самоуничтожения. Она – одинокая мать не мечтает о принце, готова служить и выполнять желания Славы, лишь бы он – мужчина был рядом. Мани рисует образ «ожидаемого» Славы – сильного, мужественного, мужчину-опору, а рядом другой Слава – слабый, трусливый, лгун и наркоман, который нашел временное убежище в Маниной квартире после убийства матери. Мужчины в текстах Р. Игнатьевой, как правило, – «слабого типа существо», они не выступают в роли спасителя и защитника женщины.

Таким образом, в прозе Р.Игнатьевой проводится мысль о том, что для женщины внешняя красота не обладает большей ценностью, чем внутреннее содержание и образование. Автор видит причины неудавшейся жизни героев, как мужчин, так женщин, в драме детства или излишней любви родителей к детям. Поэтому в большинстве произведений в ретроспективе, чаще в форме несобственно – прямой речи, прозаик рисует эпизоды детства и юности героев. В своих произведениях Р.Игнатьева четко проходит мысль о том, что характер человека, его ценностные установки и мироотношение в первую очередь формируются в семье. Именно драмой детства мотивирует автор несостоявшуюся взрослую жизнь своих героев. В центре повествования прозаика семейная сфера – институт, который стал расшатываться в перестроечные годы. Сферу деятельности героев автор зачастую только обозначает, не раскрывая характер персонажей через трудовые отношения.

Герои рассказов и повестей Р.Игнатьевой – рядовые городские жители, некоторые из них выходцы из села. Немаловажную роль в поведении героев играют нравственно-этические ценности современного общества, а именно их смена на рубеже

веков. Читая произведения, мы замечаем равнодушие окружающих к судьбам героев, отсутствие общественного контроля. Автора волнуют проблемы нравственного здоровья общества, ценностные установки молодежи. Рассмотренные рассказы подтверждают, что Р.Игнатьева предлагает художественное исследование «прозы» жизни, быта, лишенного духовного начала и радости; особое внимание уделяется феномену отчуждения, бездушия и жестокости в человеческих взаимоотношениях. Прозаик ставит одну из главных философских проблем современного мира – проблему девальвации основополагающих для человеческой души составляющих таких, как любовь, сочувствие, забота, внимание к человеку, которые исчезают из нашей жизни.

Повествовательная манера, типы героев, мироотношение персонажей **Лидии Нянькиной** во многом отличны от Риммы Игнатьевой. В повествовательной интонации Л.Нянькиной присутствует легкий юмор, нет драматизации ситуаций. Герои ее ранних произведений обычные деревенские жители: и пожилые, и молодые, чаще семейные пары. В более поздних – одинокие молодые девушки или женщины, люди творческих профессий, они родом из села, проживающие в общежитиях,

В прозе Л.Нянькиной явно выделяется два типа повествователя: в голосе первого слышится интонация умудренного жизнью пожилого человека, для которого каждый человек с его недостатками и достоинствами интересен и ценен. К людям он относится с уважением, любовью и юмором. В ритмике и интонации этих произведений («Ваёбыж кар», «Шуд пуйы», «Имитация», «Пыраклы», «Шузи-мази», «Солдат гоштэтъёс», «Макси») присутствует говор родного села Л.Нянькиной, манера говорения пожилой женщины. Как выяснилось во время встреч с автором, в детстве она много времени проводила с бабушкой, любила ходить с ней на деревенские посиделки и, может быть, даже неосознанно впитывала, запоминала речь, интонации, жесты, манеру и стиль говорения, сюжеты бесед и разговоров деревенских бабушек. В начале творческого пути в подсознании автора «присутствует» бабушка, даже в оценке героев, ситуаций четко проявляется «бабушкин» голос и ее видение мира. В этих рассказах изображен деревенский мир, этот мир населяют самодостаточные герои, которые далеки от совершенства.

Во второй группе произведений («Ой, буралоз, буралоз», «Лара», «Мынам папа Карло», «Ау-ау! яке Инбамысь гождъёс») повествователь молодой, манера повествования резко отличается от вышеуказанных рассказов, чувствуется самоирония, рассказ чаще ведется от первого лица. Меняются герои – это молодые девушки, женщины и мужчины творческой профессии, приехавшие в город, не имеющие собственного жилья, люди общежитий. Они одиноки, любят над собой иронизировать, им присуще скептическое отношение к жизни. Для них жизнь состоит из двух миров: мир идеальный деревенский, куда они стремятся, но, увы, не возвращаются, и мир городской, чуждый и скучный им, однако там они живут и работают, т.е. герои находятся в состоянии маргинальности.

Тип одинокой женщины – характерный образ для произведений Л. Нянькиной. Например, образ Елены Викторовны («Ау-ау! яке Инбамысь гождъёс»), Лели («Ой, буралоз, буралоз...»). В центре первой повести женщина, история её непростой любви и неординарных взаимоотношениях со своим нерожденным ребенком. Н. Габриэлян замечает, что «заборная» тема – не новость для современной женской прозы ... авторы обращаются к этой теме, до недавнего времени находившейся под негласным запретом, и по-разному осмысливают ее, сопрягая с различным кругом других проблем: экономических, социальных или метафизических. Габриэлян видит связь между физической болью тела и «метафизической» болью духа. По замечанию удмуртского

критика Т.Зайцевой, сквозной мотив повести – взаимоотношение героини с судьбой. Роковым и чудеснейшим образом сталкиваются мать и взрослая дочь, жизнь которой была прервана абортom. Мать не узнает в агрессивно – настроенной со страшно обезображенным лицом девице своего ребенка. Героиня интуицией материнского сердца улавливает некое необъяснимое чувство внутреннего родства, постоянно испытывает где-то на границе сознания желание защитить эту молодую женщину. При почти полном отсутствии связанного линейного повествования автор сумела в диалогах и интонациях, в репликах и паузах между разговорами, в отдельных емких фразах воссоздать динамику взаимоотношений матери и ребенка. Повесть очень горька и сурова, она являет нам боль утрат безжалостной сегодняшней действительности. Интересна написана сцена так называемого суда. Дочь приводит мать в ресторан, обслуживаемый калеками и физическими уродами. Это не появившиеся на свет дети, убитые антибиотиками и всевозможными могуществами современной медицины. При всей мрачности картины, повесть излучает свет и добро, ибо в трактовке жизни, в сердце каждой женщины сила любви бессмертна.

Другой тип в рассказах Л. Нянькиной – это женщина маскулинного типа, проявляющая лидерские качества, прежде всего, в семейных отношениях («Шузи-мази», «Макси», «Ваёбыж кар»). Сильная и хозяйственная Анют из рассказа «Ваёбыж кар», переехав жить к овдовевшему Лади, сразу стала полновластной хозяйкой, все переменяла в доме, хорошо справляется и женской, и мужской работой. «Как лошадь проворная», – пишет автор. Героини маскулинного типа всегда добиваются желаемого, сами устраивают свою личную жизнь. Они и не задумываются о том, что возможно исполнение другой роли, лишь в интонации автора чувствуется жалость или ирония к героиням.

Особенностями прозы Л. Нянькиной являются исследование социально-психологических и нравственных координат современной жизни: отстраненность от злободневных политических страстей, внимательность к глубинам частной жизни современного человека. Душа конкретного, “маленького” человека для женского прозаика не менее сложна и загадочна, чем глобальные катаклизмы эпохи.

Появление в 90-х годах XX века в удмуртской литературе самобытной женской прозы – явление не случайное, первопричиной является «артикуляция» женской традиции, которая связана с изменениями, происходящими в постсоветском пространстве, а именно актуализация женщины как субъекта действительности. И вторая причина видится нам в том, что к концу столетия удмуртская женская поэзия, женская публицистика заняла достойное место в литературе, был накоплен определенный опыт литературного творчества, женское письмо получило признание в обществе.

Любовь Фёдорова

Ижевск

Удмурт литератураын берло 20 арёс ёже нылкышно гожъяськисьёс мыло-кыдо тыршо проза удысын, кудыз соос понна выль удыс луэ. Нимаз висъясько Лидия Нянькина но Римма Игнатьева (Лаптева). Веросьёсазы но повестьёсазы соос нылкышно дуннеез усьто, ёмысь валтйсь геройёс но нылкышноос луо. Но нылкышнолыкслэсь пиртэш пальёссэ трогес возматэ, со герзаськемын, дыр, огдышем стереотипёслэсь патэнтйськонэн но туалэ улонэз, югдурез валаны тыршонэн. Римма Игнатьева улонлэсь «пыдзэс» возматэ, трогес эрказем, калгись, юись нылкышно геройёсты суредэ. Автор малпаськытэ: малы тунэ семья куашканы кутскиз, малы яратон, гажан, жаян, юрттон мылкыдёс воштйськызы ог-огедлы йыркуръяськонэн, вожпотонэн, азытэмъяськонэн, капчи улонэз утчанэн. Солэн геройёсыз уг пумитъяско кылдэм югдурёслы, соя карисько, соин геройёс бырыны шеде яке асьсэды быдто.

Л. Нянькиналэн гожъяськон сямыз но, геройёсыз но мукетгес. Со геройёслэсь воштйськемзэс уг возматэ, кыће ке югдуре сюрыса, соослэн сямёссы шараясько гинэ. Ёмысь геройёс асьсэсыз серекъяло, шузи-мазиосыз но серем пыр суредамын. Солэн прозаяз висъясько гуртын но карын улйсь геройёс, берлоосыз но гуртын будэм макеос. Нырысьёсыз ёмысь шеде мукет дуннее: я городэ, я выль семьяе, я киное но театре, соос суредамын серем пыр, но озы ке но шёдйське адямиез гажан, жаян. Нош гурт но кар вискин кытаськись яке чеберлыко удысын ужась геройёсыз авторлэн ваньзэ, озы ик асьсэсыз но, ултйаса серем каро. Л. Нянькина ёмгес суредэ оген кышномуртэз яке семьяен улйсь пиосмурт сямогес нылкышнооз.

Удмурт нылкышно прозалэн азинскемез возматэ гожъяськон удысын нылкышно куаралэсь кужмоямзэ но нылкышнолыкез кышномуртлэн мертэтёсызъя возматаны тыршемез.